

Вспоминая недавнее поведение Мэй Цзибая за обеденным столом, Гу Цин просто не мог сдержать смеха. И дело было вовсе не в желании уколоть или задеть — он бы и рад был сохранить лицо, но это оказалось выше его сил. Великий господин Мэй так дорожил своим достоинством... но Гу Цина буквально разрывало.

Мэй Цзибай смотрел на него, и его взгляд несколько раз менялся, пока наконец не застыл на чем-то, отдаленно напоминающем смиренную обреченность.

Лишь когда прозвучала негромкая, отчетливая фортепианная нота, Гу Цин кое-как справился с собой. Он моргнул, смахивая выступившие от смеха слезы.

— Кто бы мог подумать, что даже у всемогущего президента Мэй однажды случится такое фиаско!

Цзибай не сводил с него глаз. Фиаско? Пожалуй, так оно и было.

— Твои кулинарные таланты весьма недурны, — подхватил он тон собеседника. — Если пожелаешь меня обучить, я бы не отказался... признать в тебе маленького наставника.

— О нет, такого ученика мне не потянуть, — Гу Цин замахал руками. Перед глазами всё еще стоял образ той злополучной каши, и он всё ещё улыбался. — Ладно, для первого раза, да еще и для соленой каши, вкус был вполне сносным. Это не провал. Легкий привкус гари даже придает пикантности, честное слово! Я не просто утешаю, я говорю чистую правду.

—... Последние две фразы можно было опустить, тогда это прозвучало бы убедительнее.

Гу Цин на мгновение замер, а затем снова рассмеялся — открыто и весело. Он легонько коснулся ладонью груди, прямо над сердцем.

— Спасибо. Твое... старание дошло до адресата.

Чтобы Мэй Цзибай, с детства привыкший к роскоши и заботе, собственноручно отправился на кухню... Пусть это была всего лишь миска каши, сам жест дорогого стоил. Такого отношения не достаивался даже «Юй Цзиньянь».

В душе шевельнулось сложное, противоречивое чувство, но в целом ему было чертовски приятно.

Мэй Цзибай замороженно наблюдал за его улыбкой. Зимнее солнце, редкий гость в это время года, нежно заглядывало в окно, окутывая Гу Цина мягким ореолом света. В эту секунду Мэй Цзибай ощутил укол ревности даже к этим вездесущим лучам.

Но солнечный свет мерк в сравнении с тем, что светилось в глазах напротив. Не солнце дарило тепло этому дню, а человек, сидевший перед ним.

Мысли Гу Цина тем временем совершили очередной вираж.

— Ты ведь не из чувства вины всё это затеял? Из-за того, что я под дождь попал? Не стоит. Я сам решил там стоять, и это мой организм подкачал, свалившись с лихорадкой. Ты тут ни при чём. Наш брак с самого начала был деловым соглашением, никаких чувств. То, что ты мне нравишься — моя забота, и ты имел полное право мне отказать.

Мэй Цзибай помедлил, пальцы извлекли из клавиш еще несколько нот.

— Так или иначе, заботиться о тебе — мой долг. Пей лекарство.

Гу Цин пожал плечами. Какова бы ни была причина, пока он может проводить время с Мэй Цзибаем, у него есть шанс заставить этого человека снова влюбиться в него.

Он послушно выпил таблетки и съел пару кусочков торта, чтобы перебить горечь. Обхватив ладонями чашку с водой, он подтянул ноги и поудобнее устроился на диване, сонно щурясь.

Зазвучала неспешная, умиротворяющая мелодия. Сначала он во все глаза смотрел на Мэй Цзибая, в сотый раз убеждаясь, что этот мужчина — воплощение его идеала. Им можно было любоваться вечно, даже если тот просто сидел неподвижно.

Но вскоре веки потяжелели, и Гу Цин начал клевать носом. Силуэт Мэй Цзибая расплывался, терял четкость. Он из последних сил пытался разомкнуть веки, но сон оказался сильнее. Последней мыслью, промелькнувшей в сознании, была...

«Рано или поздно я вытесню это пианино из его сердца. С какой стати он смотрит на инструмент с такой нежностью и сосредоточенностью?!»

И почему-то в памяти всплыл Ян Фань.

Поняв, что Гу Цин уснул, Мэй Цзибай доиграл пьесу до конца и лишь тогда подошел к дивану. Он осторожно забрал чашку из рук юноши, на мгновение задержал ладонь на его щеке, едва касаясь кожи, и, тихо усмехнувшись, подхватил его на руки.

Лучше перенести его в спальню.

Входя в виллу, Дай Инь ощутила смутное беспокойство. Она кивнула Лю Синь, и Мао Ии повела её наверх, по пути воодушевленно щебеча о том, как прошел день... От этих рассказов предчувствие Дай Инь стало еще более странным.

Кажется, она пришла совсем не вовремя.

Предчувствие её не обмануло: едва они свернули за угол, как увидели Мэй Цзибая с Гу Цином на руках. На лице шефа застыло выражение, которого ни одна из них никогда прежде не видела. Обе девушки синхронно замерли.

Мао Ии поспешно и бесшумно распахнула дверь в спальню Гу Цина.

Мэй Цзибай жестом велел Дай Инь подождать в кабинете и негромко распорядился, обращаясь к горничной:

— Десерт не доеден, пока не убирай.

Мао Ии кивнула. Это было странно, но вопросов она задавать не стала. За годы службы у семьи Гу она усвоила главное правило: меньше спрашивать, больше делать. Умение держать язык за зубами и не переходить границы было обязательным навыком для тех, кто хотел остаться в доме Мэй.

Уложив Гу Цина, Мэй Цзибай задернул шторы, включил ночник у изголовья и только тогда вышел.

На самом деле ему совсем не хотелось уходить. Даже если он не мог прижать его к себе, он хотел, чтобы тот оставался в поле зрения. Два года... время растянулось в бесконечность. Вся та боль и горечь одиноких ночей, казалось, утихали в это мгновение.

Дай Инь старалась сохранять невозмутимый вид, но в душе у неё бушевал настоящий ураган.

Видит бог, она работала на Мэй Цзибая не первый год, но никогда — ни разу! — она не видела у него такого лица, не говоря уже о столь интимном жесте, как этот «принцессин» захват.

Два года назад у него были отношения с Юй Цзиньянем, но тогда Мэй Цзибай вел себя предельно сдержанно. Помощница знала, что босс испытывает чувства к тому юноше, но он никогда не выставлял их напоказ. А сейчас... Сейчас в его бездонном взгляде была не только нежность, но и неприкрытая, властная одержимость.

Она обменялась взглядом с Мао Ии, и обеих пробрала легкая дрожь. Им казалось, что стоит им хоть на мгновение дольше задержать взор на человеке в руках Мэй Цзибая, и они тут же превратятся в ледяные статуи.

Дай Инь пришла точно в назначенное время, и её удивило, что шеф еще не освободился. Вспомнив о Гу Цине, она молча пристроилась в стороне.

Поставив подпись на последнем документе, Мэй Цзибай протянул папку Дай Инь.

— На сегодня планов больше нет, можешь идти.

Дай Инь поблагодарила его, но, помедлив, спросила:

— У молодого господина Гу есть три аккаунта на внутреннем форуме компании. Как вы считаете, мне стоит намекнуть ему, чтобы он был осторожнее в высказываниях?

У Гу Цина было три аккаунта, и контент на них не просто различался — это были полярные миры. На одном он был ярым хейтером большого босса, на другом — преданным фанатом, одобряющим каждое слово, а на третьем — миротворцем-нейтралом... Дай Инь, знавшей правду, порой казалось, что у парня расслоение личности, особенно когда она читала посты анти-фаната.

Она задала этот вопрос, опасаясь, что со временем это может ударить по репутации Мэй Цзибая среди сотрудников.

— Пустяки. Это не причинит вреда, — Мэй Цзибай прекрасно знал об этих страницах и даже просматривал их время от времени. Наблюдать за тем, как Гу Цин в одиночку разыгрывает спектакль на троих, было забавно. — Быть ближе к коллективу — не самая плохая идея. Достаточно просто направлять обсуждение. Пока он не переходит черту, вмешиваться не нужно.

Ему нравилась эта живость.

Дай Инь кивнула, глядя на по-прежнему невозмутимого шефа, и сделала для себя выводы.

Покинув кабинет, она вместе с Мао Ии спустилась вниз.

— Что вы думаете о Гу Цине? — вполголоса спросила она.

Мао Ии задумалась.

— Раньше говорили, что он неисправимый повеса, что председателя Гу из-за него несколько раз в больницу увозили. Но за то время, что мы общаемся, я ничего такого не заметила. Приходит и уходит вовремя, по ночным клубам не шляется, с нами вежлив. Хороший человек. Лично мне плевать на слухи.

Дай Инь была склонна согласиться: реальный человек и тот образ из сплетен... как будто два разных существа.

— А господин Мэй?

На этот раз молчание затянулось. Лишь у самой двери Мао Ии тихо произнесла:

— Я очень надеюсь, что история об их любви после свадьбы — правда.

Дай Инь всё поняла. Отношения между людьми — странная штука. После трагической гибели Юй Цзиньняня краски из мира Мэй Цзибая словно вымыло тем кровавым потоком, оставив лишь серые будни. А теперь цвета понемногу возвращались.

И это было хорошо.

Она и сама надеялась, что эта любовь станет реальностью.

Проснувшись после полуденного сна, Гу Цин сладко потянулся. Он чувствовал себя почти восстановившимся, но тут же вспомнил, как обещал послушать музыку и нагло заснул. Стало немного неловко.

Он подошел к дверям кабинета и, не дождавшись ответа на стук, заглянул внутрь. Мэй Цзибая за столом не было, но из небольшой смежной комнаты доносились голоса. Он усмехнулся: неужели Дай Инь еще здесь? Отлично, он как раз хотел завести себе еще один аккаунт.

Три — это хорошо, но с четвертым можно будет и в маджонг сыграть.

Уже у самой двери, которая была приоткрыта, до его сонного мозга наконец дошло, что входить сейчас не стоит — люди явно обсуждают работу. Он уже собирался развернуться и уйти к дивану, как вдруг услышал голос Мэй Цзибая. И звучал он... совсем не дружелюбно.

А имя, которое тот произнес, было... Ян Фань.

Мэй Цзибай стоял у окна. На его лице не осталось и следа той мягкости, с которой он смотрел на Гу Цина; голос был ровным и холодным.

— Ян Фань, я действительно ценю твою игру на скрипке, но мы — друзья. И ничего более.

— Друзья — это хорошо, но ничто не мешает нам стать кем-то большим. Твой брак с Гу Цином

— всего лишь расчет. Неужели ты и впрямь веришь, когда он говорит... что любит тебя?

Уловив едва заметный шорох за дверью, Мэй Цзибай на мгновение замер, и в его взгляде промелькнула искра тепла.

— Ты — не он. На каком основании ты с такой уверенностью подвергаешь сомнению его слова?

— Да все знают, какой у него характер! Если он говорит о любви, значит, преследует какую-то цель. Люди не меняются так внезапно. И неважно, ответишь ты мне взаимностью или нет, я просто не хочу, чтобы тебя ранили.

— Я верю, что его слова о любви — правда. Его взгляд не умеет лгать.

—... Цзибай, это совсем на тебя не похоже.

Мэй Цзибай коротко рассмеялся.

— И это касается только нынешнего Гу Цина.

— Ты...

— Ян Фань, как другу мне безразлично, что было между тобой и Гу Цином раньше. Но впредь я прошу тебя следить за своими словами и поступками. В дружбе я ценю чувство такта и знание границ.

—... Не беспокойся. Я ничего ему не говорил.

— Вот и отлично.

— Цзибай, значит, ты позволяешь ему... ухаживать за тобой?

— Ты уже забыл, что я только что сказал? Это касается только нас двоих, и я не потерплю постороннего вмешательства. И еще кое-что: в моем браке нет и не может быть места третьему лишнему.

—... Прости. Я понял.

Гу Цин, прижавшись ухом к дверному полотну, внимательно слушал. Когда в комнате воцарилась тишина, он удивился и решил рискнуть — приоткрыть дверь еще на миллиметр, но в этот самый миг она распахнулась сама.

Он так и застыл — слегка согнувшись и втянув голову в плечи. Прошло несколько секунд, прежде чем он медленно — очень медленно — поднял взгляд и выдавил улыбку, которая, как ему казалось, выглядела не слишком жалко.

— Э-э... Я только что проснулся. Кажется, шею отлежал. Вот, разминаю.

Мэй Цзибай едва сдерживал смех. Он поднял руку и мягко сжал загривок Гу Цина.

— Отлежал, значит? Давай разомну?

— Не надо! Честное слово, не стоит, я сам покручу головой и всё пройдет!

От этого прикосновения Гу Цин почувствовал себя котенком, которого поймали за шкурку. Нахлынуло предчувствие какой-то неведомой опасности — улыбка Цзибая казалась ему подозрительно многообещающей.

Мэй Цзибай проигнорировал протест, притянул его к себе и подвел к креслу.

— Садись. Разомну, и всё пройдет. Тебе завтра на работу, господин президент. Не хотелось бы, чтобы лидер компании выглядел неловко перед подчиненными, верно?

Гу Цин криво усмехнулся. Звучало чертовски логично. Что ж, спасибо за изящный выход из ситуации.

Он сел на край кресла, напряженно выпрямив спину.

— Ну, тогда заранее спасибо. Таким одолжением я буду хвастаться целый год.

— Если ты расскажешь об этом, вряд ли кто-то поверит.

Гу Цин осекся. И то верно — никто не поверит. Кто бы мог подумать, что Мэй Цзибай вообще способен зайти на кухню?

— Послушай, я не специально заснул. Это наверняка таблетки, в них точно было снотворное.

Он принялся серьезно оправдываться, а Мэй Цзибай лишь беззвучно улыбнулся.

— Если музыка помогла тебе уснуть, значит, я играл не напрасно.

От этих слов у Гу Цина перехватило дыхание. Он хотел что-то ответить, но прикосновение

сильных пальцев к плечам и шее буквально выбило из него все слова. Что ж, он не знал, насколько профессионально Цзибай владеет техникой массажа, но это было невероятно приятно.

Когда массаж закончился, он почувствовал себя полностью расслабленным. Некоторое время он молча смотрел на Мэй Цзибая, а затем заговорил уже серьезно:

— Я говорил тебе, что расследую дела семьи Юй. Появились кое-какие новости. В тот день, когда я вернулся поздно... На самом деле я был не в компании. Я ездил в соседний город, чтобы встретиться с сыном Ван Чжэня.

Мэй Цзибай сел напротив. Он не стал сразу расспрашивать о зацепках, а просто произнес:

— Знаешь... На самом деле после ухода Цзиньняня я тоже вел расследование. Попытался восстановить картину того падения... и разобраться в делах семьи Юй.

Гу Цин нахмурился. Он как раз искал подходящий момент, чтобы спросить об этом, а Мэй Цзибай признался сам?

И это был первый раз, когда Цзибай так открыто назвал его по имени.

Гу Цин молчал, и Мэй Цзибай продолжил:

— Я понимал, что он сблизился со мной ради выгоды. Хотел использовать мои ресурсы, чтобы раскопать правду о своей семье. Если бы... если бы он мог меня слышать, я хотел бы сказать ему одну вещь:

— Я никогда не винил его. О чем бы он ни думал в тот момент, я помогал ему по доброй воле.

Гу Цин застыл, не в силах отвести взгляда от Мэй Цзибая. Раньше он всегда считал, что их отношения были сделкой, где никто никому ничего не должен. Но теперь, зная, что Мэй Цзибай действительно любил его... Он не успел обдумать всё это, и внезапное признание застало его врасплох.

Голос его прозвучал глухо и надломленно:

— Ты знал... Ты знал, что он тебя использует. Но ты действительно любил его... Почему же ты молчал?

Осознанно позволить себя использовать... Какое же это было безумие.

<http://bllate.org/book/17544/1712887>